

Успенская церковь. Бюст Эрзы, скульптор М.В. Таратынов

Шедевры для засолки огурцов,

или

Несбывшаяся мечта Эрзы

В соответствии с записью в метрической книге Покрова Пресвятой Богородицы села Ахматово Степан Нефедов родился 27 октября, а крещен 31 октября 1876 года (8 и 12 ноября по новому стилю).

Село Ахматово входило в состав Ардатовского уезда Симбирской губернии. Оно имеет богатую историю. По преданию, поселение возникло на рубеже XIII-XIV веков, когда в Алатырское Присурье прибыл татарский отряд для сбора дани. Его возглавлял сотник Ахмат. Дать собиралась в натуральном виде – мед, зерно, скот. В счет уплаты шли и люди. В одном из поселений в числе невольников оказалась девушка по имени Киля. На привале Ахмат обратил на нее внимание. Да и как было не заметить? Ведь она была необыкновенно хороша. Ахмат пожелал видеть девушку в своем шатре. Войдя в шатер гордой походкой, Киля смело глянула в глаза Ахмата. Не привыкший к такому смелому обхождению, Ахмат немного растерялся. Пронзительный взгляд Кили растопил led его сердца и он, привыкший повелевать и карать, вдруг ощутил себя беззащитным. Ахмат отпустил девушку, и сам задумался крепко...

Решение пришло само собой: хватит войны, крови, людских

страданий! Ахмат не вернулся в орду. Вместе с Килей основал небольшое поселение на берегу быстрой извилистой реки Алатырь. А поселок получил название Ахматово.

Существуют и другие версии, ведь в эрзянском крае Ахматово – не единственное село.

До десятилетнего возраста Степан Нефедов жил в с. Ахматово с родителями, с сестрой Евфимией (вышла замуж в 1893 г. за Андриана Рузавина) и младшими братьями Ильей и Михаилом. Старший брат Иван в этот период женился и переехал в Алатырь.

Отец определил Степана в церковно-приходскую школу. Первым учителем Эрзы стал Алексей Иванович Михайловский, который учил мальчика грамоте и счету, умению пользоваться красками и кистями.

В биографии скульптора остался незамеченным довольно интересный факт, записанный М.Сергеевым в Буэнос-Айресе со слов Степана Дмитриевича.

«После окончания начальной школы я решил заняться лепкой скульптур. Километрах в сорока от нашей деревни была довольно высокая гора. На вершине ее стояла часовня в честь Николая Чудотворца. В часовне находилась деревянная скульптура этого святого. На

Осенью 2001 года в Мордовии пышно отмечалось 125-летие со дня рождения С.Д. Эрзы (Нефедова). Саранск гордится музеем, где представлены работы всемирно известного скульптора, которого европейская пресса называла «русским Родэном». Однако сам скульптор мечтал о музее в родном Алатыре и даже выдвигал советскому правительству такое условие, когда ему предлагали вернуться на родину.

Мало кто вспоминает теперь, что Эрзя-Нефедов – уроженец Симбирской губернии, где в начале XX века было сосредоточено огромное количество его живописных и скульптурных произведений.

Алатырские краеведы В.Н. Кирсанов и Н.П. Головченко выпустили небольшую брошюру «Ахматово», в которой много любопытных, ранее неизвестных фактов из жизни С. Д. Эрзы. Мы публикуем лишь фрагменты этого исследования, связанные с Алатырским Присурьем.

поклонение туда приходило много богомольцев. И вот я задумал одно дело. Снял из глины форму скульптуры святого и начал повторять его в гипсе, раскрашивать статуэтки под дерево, как в часовне, и продавать. Однако платили за них очень дешево, а делать их стоило немало труда. Мое предпринятие быстро лопнуло», - вспоминал Эрзя.

Этот эпизод мало кого заинтересовал, а ведь речь идет о Никольской горе в Сурском. Ее называют еще Белой горой. Около одного из святых источников, которыми славится Никольская гора, находилась упоминаемая часовня, где хранилась икона Николая Чудотворца, а также ряд других святынь. Икона обладала чудотворной силой, и сюда стекались тысячи верующих людей, особенно на Никольские праздники. Степан часто бывал в Промзино, приезжал в праздники на Никольскую гору, участвовал в крестных ходах.

Сначала юноша учился мастерству у местных иконописцев. «Брат Иван договорился с известным в то время мастером иконописи Тылюдиным Василием Артемьевичем, что возьмет Степана в ученье с условием, если он будет помогать ему по дому, так как платить за обучение Нефедовым было нечем... Но ему

Калипсо. 1917 г.

разрешилось только смотреть, как пишет сам учитель, разрешалось мыть кисти и растирать краски», — так описывает начало учебы Эрзы исследователь К. Абрамов.

После этого Степан жил в мастерской иконописца Ираклия Крикалина-Иванцова, а потом у Алексея Колонина, который был горьким пьяницей, зато в моменты «просветления» гениально владел кистью, и мальчик с жадностью ловил каждое движение.

Со строительством железной дороги Степан перебирается в Казань, где после некоторых мытарств поступает в иконописную мастерскую П. А. Ковалинского. Это было после Пасхи 1893 года. Здесь он расписывает соборы и церкви Казанской и Симбирской губерний.

В 1898 году Степан возвращается в Алатырь, где теперь живут родители. Приезжает на свадьбу младшего брата Ильи, становится крестным отцом племянника Ивана (сын Евфимии). В Алатыре Степан отдает себя настоящему искусству. Много работает на природе, делает пейзажные зарисовки, фиксирует деревенские бытовые сцены. Однако отлично понимает, что не хватает опыта и профессиональных знаний.

Сбережения, накопленные в мастерской Ковалинского, быстро кончились. Приходилось искать заработки. В поисках работы Степан походил весь Алатырский уезд. Совместно с иконописцами И. Я. Шуваловым и В. В. Милотинским Степан расписывал колокольню Казанской церкви и приходской Успенский храм. Исполнил ряд икон для иконостасов алатырских церквей.

6 июня 1899 года в России праздновали 100-летие со дня рождения А. С. Пушкина. Юбилей отмечался и в Алатыре. Силами местной интеллигенции был поставлен любительский благотворительный спектакль к отдельным сценам «Русалки» и «Бориса Годунова». Декорации

были выполнены Степаном Нефедовым, сохранилась и афиша спектакля, где рукой Эрзы выведено «Алатырь. Коммерческий клуб. 1899». На здании, где это происходило, установлена мемориальная доска. Сейчас здесь располагается обувная фабрика.

Немаловажную роль в жизни Эрзы играли женщины. Так отъезд из Казани связан с романтической любовной историей. Нечто подобное приключилось и в Алатыре.

Обнаженная. 1930 г.

Знакомство с женой лесопромышленника Солодова чуть не закончилось для него трагически, но образ возлюбленной Эрзы пронес через всю свою жизнь.

Алатырские обыватели судачили о любовной связи Степана с Ф. Солодовой, а муж ее как бы не обращал на это внимание и относился к Степану дружелюбно. Но злые языки сделали свое дело. Однажды кучер лесопромышленника ворвал-

ся к Степану в мастерскую и жестоко его избил, затем отнес, как он полагал, мертвого художника на Суру и бросил в кусты. Рано утром юношу нашли рыбаки и отправили в больницу. Это происшествие переполнило чашу терпения родителей и предпринято будущее Степана. Отец выделил ему небольшую сумму денег и потребовал покинуть Алатырь.

Степан уезжает в Москву с одной надеждой — учиться. Работает в фотоателье А. А. Бродского и посещает вечерние курсы при Строгановском училище. Через год поступает в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, посещает медицинский факультет Московского университета, где изучает анатомию человека. Знакомство с итальянцем Д. Тинелли переходит в дружбу, и тот приглашает Нефедова в Италию.

7 ноября 1906 года от рака носа скончался отец Степана. Молодой художник до отъезда в Италию успел приехать на похороны. Он привез в Алатырь свои рисунки, живописные работы, ряд скульптурных работ.

Как жаль, что все это погибло! Причин на то немало: ценилась в деревне бумага, которая шла на растопку или попадала в руки племянников — им тоже хотелось рисовать. Были и более серьезные причины, о которых будет сказано ниже.

Однажды в родительский дом Нефедовых прибежал запыхавшийся Василий Грошев (впоследствии краевед Алатырского Присурья) и принес журнал «Солнце России». Из журнала родные узнали о высоком признании Степана Эрзы на художественной выставке «Осенний салон» в Париже. Об этом событии заговорил весь город. Приходили знакомые, чиновники из уездной управы и поздравляли мать талантливого скульптора.

Женский портрет. 1942 г.

С этого времени на различных художественных выставках в Алатыре выставлялись и работы Эрзы. Организатором выставок, начиная с 1908 года, был художник и педагог Н. Каменьщиков. В 1913 году «Волжская речь» писала об очередной выставке, на которой были представлены работы С. Эрзы, Н. Каменьщикова, симбирских художников А. Архангельского и П. Пузыревского.

Спустя некоторое время из Франции пришел вызов и денежный перевод. Весной 1912 года мать Мария Ивановна в сопровождении внука Василия поехала к сыну в Париж. Она сообщила Степану, что местные власти предлагают открыть в Алатыре музей его скульптур. Провожая мать домой, Степан дал ей денег, чтобы она купила в Алатыре большой дом (с расчетом на мастерскую). Племянник прожил в Париже год (учился у дяди скульптуре и живописи). Василий привез в Алатырь несколько полотен Эрзы и скульптуру Христа, а также письмо в городскую управу, где скульптор сообщал, что готов вернуться, если ему предоставят помещение для работ. В 1914 году в Париж пришло письмо: Алатырская городская дума официально приглашала С. Д. Эрзы приехать и лично наблюдать за постройкой здания, предназначенного для размещения его скульптурных работ. На эти цели ассигновалось 50 тысяч рублей.

Увы, начавшаяся первая мировая война вынудила Думу перечислить денежные средства в военное ведомство. В Россию Эрзя вернулся в мае 1914 года, жил и работал в Петербурге.

Перед Пасхой 1918 года Эрзя, незадолго до командировки на Урал, приехал в Алатырь вместе со своей ученицей Е. И. Мроз и прожил здесь более двух недель. Приехали на двух подводах, с шестью лошадьми. На подводах были многочисленные подарки для родственников и скульптурные работы Эрзы. Скульптор посетил могилу отца на городском кладбище, поставил новый деревянный резной крест. Оттуда он принес белый кусок мрамора от разбитой плиты и выполнил на нем портрет племянницы Антонины.

Алатырские власти предложили Степану Дмитриевичу организовать в Алатыре художественную студию.

Женская голова. 1955 г.

Эрзя отказался, сославшись на командировку на Урал по личной просьбе Луначарского, и предложил несколько кандидатур алатырских художников.

Художественная студия в Алатыре открылась. Ее руководителем стал Н. А. Каменьщиков. При студии он открыл музей, в кото-

ром были представлены скульптуры Эрзы.

Летом 1926 года Степан Дмитриевич вызвал в Москву брата Ивана срочной телеграммой. Он готовился к отъезду за границу и просил забрать в Алатырь ряд произведений. Иван Дмитриевич привез из Москвы скульптуры, и среди них: «Голова Христа», «Монголка», «Маска Кати», «Мордовка». Кроме того, около пятидесяти живописных произведений.

С этого момента и вплоть до 50-х гг. Эрзя будет жить вдали от Родины. В провинциальной глуши его будут помнить и ждать.

Однажды из Аргентины придет журнал «Панорама» с фотографиями его скульптурных произведений.

Пребывание Эрзы за границей сказывалось на родственниках: неоднократно вызовы в НКВД, допросы.

Однажды Петр Иванович Нефедов (1847-1963), который работал в райисполкоме, прибежал домой и, быстро растопив печь, начал разбивать деревянные скульптуры Эрзы и жечь. Сожжены были также три картины, которые висели на стенах.

Шел 1937 год. Началось выявление лиц, чьи родственники проживают за границей. С этой целью проводились обыски: НКВД искал документы и вещественные материалы для доказательства неблагонадежности. Самое страшное только начиналось.

Привезенные Иваном из Москвы картины и скульптуры хранились у родственников. Большая часть – у Ивана Ивановича и Степана Ивановича. Когда к ним забегал Петр Нефедов с сообщением об обысках, они растерялись. Все деревянные скульптуры были изрублены на дрова. Большие мраморные и бетонные скульптуры зарыты в землю.

Со временем бетонные произведения от сырости рассыпались. Маленькие работы использовались как гнет, для засолки огурцов, например, головка Антонины. Мелкая пластика со временем утеряна. Картинами решили покрыть крышу сарая. От дождей и солнца живопись пришла в негодность.

С возвращением Эрзы в СССР в 50-60-х годах начался ажиотаж вокруг его работ. Сохранившиеся скульптуры были вывезены из Алатыря. Некоторые из них теперь находятся в музее С. Д. Эрзы в Саранске. Алатырь лишился всех работ знаменитого земляка.

Борис Полевой писал: «Степан Дмитриевич при жизни всегда мечтал о музее в родном городе, недалеко от мест, где прошли его детство и юность». Увы, мечте этой не суждено было осуществиться. Таков печальный конец истории наследия великого скульптора.

Монашенка. 1941 г.

Ева. 1919 г.